

Василий ГРИШАЕВ

ЭСКУЛАПЫ И САТРАПЫ

О «деле врачей» в Барнауле

1

1937-й год оставил в истории Барнаула, наверно, такой же черный след, как и в других городах страны. В феврале органами НКВД здесь была разоблачена на меланжевом комбинате «троцкистская банда вредителей» во главе с директором комбината Гольдбергом Максимом Ефимовичем; в июне состоялся громкий процесс над «организаторами контрреволюционного саботажа» на Алтметаллозаводе во главе с директором завода Попковым Павлом Ивановичем; в июле разоблачен «заклятый враг народа» председатель горсовета Трелин Иван Федорович и вместе с ним — большая группа работников горсовета; вскоре та же участь постигла секретарей Барнаульского горкома ВКП(б) Копылова Михаила Михайловича и Семенихина Петра Романовича, заодно был основательно почищен и горком; в середине лета прошли массовые аресты «социально-чуждого элемента», то есть бывших офицеров, чиновников, торговцев, священнослужителей и т. п., якобы объединившихся в «кадетско-монархическую организацию с целью свержения Советской власти»; исчезли с барнаульских улиц китайцы, корейцы, поляки, «харбинцы» (так называли лиц, вернувшихся на КВЖД после продажи этой железной дороги государству Маньчжоу-Го); в октябре волна арестов прокатилась по школам, техникумам, учительскому институту, — было «изъято» более тридцати преподавателей, принадлежавших к «социально-чуждому элементу»; в ноябре очередь дошла до врачей...

Газеты тех лет тяжело читать. Трескучие рапорты о небывалых трудовых победах, гордо улыбающиеся лица строителей социализма, везде Сталин, Сталин, Сталин, и тут же трубным сигналом тревоги — сообщение о раскрытии доблестными чекистами нового заговора, нового гнезда вредителей и шпионов, а следом, чуть не в тот же день — «стихийные» митинги трудящихся с устрашающими резо-

люциями: «Стереть с лица земли врагов народа!», «Уничтожим подлых предателей!», «Собакам — собачья смерть!»

А суд еще шел или даже не начинался. А люди эти еще вчера были известными и уважаемыми...

Часто мелькают статьи, похожие на доносы: «Вражеские действия на швейной фабрике».., «Кулаки окопались в колхозе».. «Очистить театр от проходимцев и жуликов».. Пролистнешь несколько номеров — смотришь: ретивый автор уже сам в числе вредителей и шпионов!

«В мире нет государства, где органы госбезопасности были бы так тесно связаны с народом, отражали интересы народа», — вешал с газетных страниц нарком внутренних дел Ежов.

А народ давно уже никого так не боялся, как человека в форме НКВД.

Но напрасно думать, что люди писали в газету и выступали на «стихийных» митингах только из страха перед органами НКВД или парткомом. Конечно, страх был, — кто в ту пору жил без страха? — но была и усиленно разжигаемая еще с гражданской войны классовая непримиримость, слепая вера в то, что партия, вождь ведут советский народ по правильному пути, железной рукой расчищая ему дорогу к светлому будущему от «социально-чуждого элемента» и прочих врагов пролетариата.

Словом, у органов НКВД, как ни прискорбно это сознавать, было немало добровольных помощников в проведении массовых репрессий. Вредителей и шпионов выискивали даже пионеры; доносительство, то бишь революционная бдительность, было возведено в ранг гражданской доблести и вменялось в обязанность каждому. За уклонение («знал, но не донес») грозила суровая кара...

2

В ночь на 20 мая 1937 года в Барнауле было арестовано около 80 человек, в их

числе и санитарный врач водного транспорта Вергунов Владимир Всеволодович. У него было две вины перед Советской властью: первая — непролетарское происхождение (отец до революции работал маркшейдером на золотых промыслах) и вторая — при Колчаке служил врачом в Омском госпитале.

Примерно в том же «повинны» были и все остальные арестованные. Но на следствии (если это можно назвать следствием) им предъявили обвинение в принадлежности к «Российскому общевоинскому союзу (РОВС)», якобы сставившему своей целью свержение Советской власти. И хотя такого «Союза» в Сибири и на Алтае никогда не было, его выдумали чекисты, большинство арестованных получили «высшую меру», остальные пополнили ряды узников ГУЛАГа.

Уцелел лишь Вергунов. Вероятно, его намеренно приберегли, чтобы раздуть в скором времени «дело» о новом разговоре.

Если верить протоколу, Вергунов первый раз был допрошен 21 октября, то есть через 5 месяцев после ареста. Но надо быть очень наивным человеком, чтобы поверить, что все это время Вергунов спокойно посиживал в камере в ожидании вызова к следователю. Вернее будет предположить другое: столько времени понадобилось следователям, чтобы сломать физически и морально несчастного врача, заставить его дать нужные им показания, а точнее — подписать заранее составленный протокол.

В нем он «признался» уже не в том, в чем его первоначально обвинили (с «РОВС» было покончено), а в «создании барнаульскими врачами старой школы «контрреволюционной фашистской шпионско-террористической организации», которая, ориентируясь на иностранную интервенцию, готовила массовые бактериологические диверсии с целью ослабления советского тыла, а также замышляла террористические акты против партийного и советского руководства края. «Показал», что был вовлечен в эту организацию в 1933 году госсанинспектором Сибводнадзора М. Л. Айзным.

Кстати, позже, в ходе реабилитации, выяснилось, что Айзин ко времени ареста Вергунова был уже расстрелян как германский шпион, и в протоколах его допроса Вергунов даже не упоминался.

На последующих допросах (всего их было четыре) Вергунов назвал, а скорее всего ему просто вписали в протокол, еще целый ряд лиц, якобы состоявших в подпольной организации. И зловещий смерч следствия закрутился, вовлекая все новые и новые жертвы. За короткий срок было арестовано 58 человек, в их числе 26 врачей (без Вергунова), примерно каждый четвертый из работавших в Барнауле.

Скажу сразу, что почти все они погибли. Имена их, долгие годы находившиеся под запретом, почти все забыты. Поэтому я привожу здесь полный список репрессированных по «делу врачей», дабы их уцелевшим родственникам никогда больше не пришлось краснеть за свои фамилии. На-

деюсь так же, что этот горький список пригодится для будущего мемориала жертв сталинского произвола.

Велижанин Глеб Андреевич, энтомолог малярийной станции, «сын видного кадета» (здесь и далее в кавычки взяты слова из материалов следствия);

Грушинский Юлиан Иосифович, управляющий Барнаульской ветеринарной аптеки Крайветснаба, «поляк, фельдшер у Колчака»;

Дон Моррис Абрамович, заведующий бактериологической лабораторией горздрава, «сын крупного торговца из Нью-Йорка», переселившегося по какой-то причине в Омск в 1907 году;

Елкина Евгения Поликарповна, заведующая Барнаульским горздравом, «член партии эсеров» (с мая по июнь 1917 года);

Жалов Анатолий Александрович, заведующий поликлиникой меланжевого комбината, «сын попа, активный колчаковец» (служил у белоказаков фельдшером);

Костин Николай Иванович, врач-терапевт-диетик на меланжевом комбинате, «сын крупного лесоторговца», окончил медицинский институт во Флоренции (Италия);

Кучин Василий Иванович, врач Нагорной амбулатории и НКВД, «сын торговца» (отец его заведовал казенной винной лавкой);

Курская Клавдия Георгиевна, зубной врач на меланжевом комбинате, «дочь мелкого торговца, жена врага народа». (Муж ее, заместитель по снабжению директора радиомастерской горсовета С. И. Катаевский, «сын попа», был арестован в один день с нею и еще до суда объявлен, как видите, «врагом народа»).

Киркинский Александр Павлович, врач-терапевт Барнаульской физиолечебницы, «сын попа, бывший эсер» (в 1905 году, то есть 32 года назад). Вряд ли старик и сам уже помнил об этом;

Киркинский Михаил Павлович, глазной врач, «сын попа»;

Киркинский Иван Павлович, заведующий санитарно-химическим отделением Барнаульской санбаклаборатории, «сын попа»^{*};

Лисицкий Иоаким Васильевич, заведующий амбулаторией водного транспорта, «сын крупного скотопромышленника»;

Никольский Серафим Иванович, заведующий терапевтическим отделением городской больницы, «сын попа, бывший эсер». Небезынтересный факт: его сестра

^{*} Братья Киркинские: Михаил (1874), Александр (1884), Иван (1888) были родом из села Дягилова Рязанской губернии; отец их, сельский священник, умер до Октябрьской революции. Михаил и Александр закончили Томский университет, Иван — Московский. Четвертый брат, Дмитрий (1893), имел высшее педагогическое образование, преподавал математику в 104-й железнодорожной школе г. Барнаула. Он был тоже репрессирован в 1937 году.

Августа Ивановна в 1900 году была выслана из Петербурга в Барнаул под гласный надзор полиции «за принадлежность к преступному сообществу «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», то есть была соратницей Ленина. В последующие годы отбывала ссылку в родном селе Бедоярском, близ Барнаула. В описываемый период находилась на пенсии, жила у брата. О дальнейшей ее жизни выяснить ничего не удалось;

Покровский Сергей Иванович, врач железнодорожной больницы, «сын надзирателя акцизного ведомства»;

Покровская-Рит Анна Григорьевна, заведующая лабораторией водного транспорта, «дочь помещика, жена врага народа» С. И. Покровского;

Побединский Николай Иванович, преподаватель фельдшерско-акушерской школы, врач «Скорой помощи», «сын дьякона» (в 1930 году был осужден на три года (условно) по статье 58 УК РСФСР за «антисоветскую агитацию»);

Руднев Нил Михайлович, хирург-консультант городской больницы, «сын попа, в прошлом крупный домовладелец»;

Руднев Александр Михайлович, ветврач «Сахаротреста», «сын попа», брат Н. М. Руднева;

Раевская Анна Феофиловна, врач-бактериолог санбаклаборатории, «дочь попа»;

Смирнов Александр Иванович, врач железнодорожной больницы, «сын попа, бывший эсер»;

Смирнов Сергей Александрович, врач-ординатор хирургического отделения железнодорожной больницы, «сын врага народа»;

Стройкова Нина Тарасовна, зубной врач городской центральной амбулатории, жена «врага народа» (муж в 1932 году осужден по статье 58 УК РСФСР на десять лет исправительно-трудовых лагерей);

Сокол-Черниловский Николай Павлович, заведующий больницей водного транспорта, «сын дворянина». Образование получил в Лембергском (Австрия) и Томском университетах, в 1933 году уже арестовывался по обвинению в контрреволюционной деятельности. Судя по практике органов НКВД, лица, побывавшие за границей (неважно, по какой причине) или под судом, были первыми кандидатами на новый арест;

Тарабыкин Петр Михайлович, ординатор акушерско-гинекологического отделения городской больницы, «сын купца»;

Кардаш-Тарабыкина Фелицата Ивановна, врач железнодорожной больницы, «дочь чиновника», жена П. М. Тарабыкина. Отец ее 25 лет работал сельским учителем, затем, чтобы дать дочери образование, перешел на лучше оплачиваемую должность счетного работника госбанка, стал «чиновником» дочери на беду;

Френкель Наталья Савельевна, зубной врач, «мать врага народа». Ей было 69 лет...

К делу врачей были искусственно при-
тянуты еще 25 человек, в основном «соци-

ально-чуждый элемент», а также ранее судимые, исключенные из партии, комсомола и т. п. Вот их имена:

Барков Николай Андреевич, заведующий столовой на мясокомбинате, «бывший волостной писарь»;

Банников Иван Филиппович, заведующий столовой Бобровского затона;

Бычков Федор Никитич, повар фабрично-кухни на меланжевом комбинате;

Бойко Алексей Лаврентьевич, фельдшер «Скорой помощи», уже имевший судимость по статье 58 УК РСФСР;

Вовней Софья Васильевна, домохозяйка, жена «врага народа»;

Гоголев Абрам Филиппович, фельдшер парохода «Киров», «бывший эсер»;

Зотов Андрей Андреевич, заведующий складом при бакалейном магазине;

Кузьмин Павел Иванович, заведующий столовой при фельдшерско-акушерской школе, исключен из ВЛКСМ «за связь со ссыльным»;

Катаевский Сергей Иванович, заместитель по снабжению директора радиомастерской горсовета, «сын попа»;

Колесников Константин Ионович, без определенных занятий, в 1931 году был осужден на три года по ст. 58;

Ли Ван Дзу, повар ресторана, «китаец». Выше я уже говорил, что китайцы, корейцы, поляки, «харбинцы» были чуть не поголовно зачислены в шпионы и уничтожены;

Лукичев Анатолий Дмитриевич, заведующий магазином, «сын торговца»;

Личкевич Иосиф Иванович, фельдшер кирпичного завода, сослан в Барнаул, «сын кулака с Украины», умершего от голода в 1932 году (ничего себе, кулак!);

Мамаев Александр Михайлович, заведующий складом дрожже-пивоваренного завода, «бывший владделец сапожной мастерской, исключен в 1934 году из ВКП(б) за бытовое разложение»;

Петелин Павел Петрович, работник заготовддела Сибторга, «бывший эсер, восемь месяцев служил у белых»;

Соколов Иван Федорович, завхоз дрожже-пивоваренного завода, «кулак»;

Труман Юлиус Денисович, кладовщик Сибторга, «эстонец». Эстонцев подбирали наравне с китайцами и корейцами;

Тунэ Александр Оскарович, заведующий магазином санитарии и гигиены, бывший военнопленный, «мадьяр, сын приказчика»;

Фатьянов Порфирий Гаврилович, продавец комиссионного магазина, «бывший владделец мельницы»;

Шакин Дмитрий Федорович, прессовщик на маслозаводе, «кулак, осужден в 1933 году за саботаж в хлебопоставках».

Похоже, все эти люди пристегнуты к «делу врачей» лишь для количества, для выполнения лимита на аресты. Предъявленные им обвинения (о некоторых будет сказано ниже) полностью сфальсифицированы.

Одновременно с делом врачей доблестные чекисты сочинили еще одну, правда, меньшую по масштабам фальсификацию —

о вредительстве в животноводстве. По этому обвинению были арестованы:

Альбанов Василий Петрович, заведующий мясоконтрольной станцией, «сын чиновника»;

Архипов Филат Афанасьевич, уполномоченный Бийской племязотконторы, ранее уже судимый по печально-знаменитой 58-й статье;

Глазачев Михаил Михайлович, ветеринарный фельдшер;

Кряжев Петр Алексеевич, разрубщик голов на мясокомбинате, «кулак»;

Табанак Николай Андреевич, слесарь-машинист мясокомбината.

Оказались в тюрьме жены и дети некоторых врачей:

Грущинская Бригитта Ивановна, домашняя хозяйка;

Грущинская Янина Юлиановна, счетовод-библиотекарь Дома санитарной культуры;

Жалова (Батиашвили) Пафия Алексеевна, домохозяйка;

Киркинская Ольга Андреевна (жена А. П. Киркинского), домашняя хозяйка;

Кучина Евгения Марковна, учительница 10-й школы;

Руднева Елизавета Никитична (жена Н. М. Руднева), домашняя хозяйка;

Стройкова Наталья Борисовна, плановик Текстильстроя, падчерица Н. Т. Стройковой.

Как видим, главный удар снова был обрушен на «социально-чуждый элемент», на «бывших людей», как их иногда еще называли в то время с самых высоких трибун. Неважно, что сыновья попов, бывшие эсеры и пр. давно отреклись от политических заблуждений (у кого они были), честно служили Советской власти, многие из них были прекрасными специалистами. Но бытовало в нашем Отечестве мнение (оно усиленно насаждалось сверху и, к сожалению, безуспешно), что все они — потенциальные враги Советской власти и только ждут удобного момента, чтобы снова сесть на шею трудовому народу. Следовательно, чем быстрее убрать их с дороги, тем короче будет для победившего пролетариата путь к светлому будущему.

И ведь верили, многие верили (силен был дурман призывов к классовой непримиримости), что на крови невинных жертв, пусть даже непролетарского происхождения, можно построить светлое будущее!..

Под флагом борьбы с «социально-чуждым элементом» безжалостно истреблялся цвет интеллигенции, и без того тонкий культурный слой нашего общества.

Страшно представить, что творилось в душах людей, ввергнутых без всякой вины в духоту и вонь тюремной камеры, совершенно беззащитных перед произволом и жестокостью следователей, топчущих на каждом допросе их человеческое достоинство, принуждающих сознаться в преступлениях, которых они не совершали да еще оговорить, поставить под удар своих родственников, друзей, товарищей по работе!..

Взяли лучших из лучших. Вот, для примера, несколько фамилий. Барнаульские старожилы, вспоминая врачей довоенной поры, чаще других называют Смирнова Александра Ивановича, Киркинского Александра Павловича, Руднева Нила Михайловича. Можно без преувеличения сказать, что ими гордился наш город. Все трое были выпускниками Томского университета, по окончании которого безвыездно жили в Барнауле. Смирнов* — с 1902, Руднев — с 1907, Киркинский — с 1910 года. У них буквально весь город лечился, и не только город. Один из старожиллов рассказывал мне, что у дома Александра Павловича Киркинского, на улице Никитинской, нередко можно было видеть целую вереницу подвод. К уважаемому доктору привозили больных из многих сел и деревень.

Не уступали ему в популярности Смирнов Александр Иванович, Руднев Нил Михайлович и другие.

И в советское время, работая в больницах, они имели, кроме того, большую частную практику (тогда это еще разрешалось), то есть принимали на дому, ходили по вызовам, никому, говорят, не отказывали, хоть среди ночи позови. Считали это святым долгом врача, а во всем, что касается долга и чести, они, люди старой школы, были весьма щепетильны.

Каково же было изумление барнаульцев, когда в ноябре 1937 года эти уважаемые, столько добра сделавшие люди были арестованы органами НКВД как враги народа!..

Их обвинили, как уже говорилось, в том, что они состояли в «контрреволюционной фашистской шпионско-террористической организации», якобы возникшей в Барнауле еще в первые годы Советской власти. Инициаторами ее создания были «выходцы из поповских семей» А. И. Смирнов, Н. М. Руднев, С. И. Никольский, А. П. Киркинский.

Сценарий «дела врачей», сочиненный драматургами из управления НКВД по Алтайскому краю, заключался в следующем:

«Организация» ставила своей задачей свержение Советской власти (во всей стране или только в Барнауле, не уточнено); по заданию японской, немецкой, польской разведок планировала отравить воду, продукты питания, вызвать эпидемию «путем разбрасывания живых бактерий в местах скопления людей»; М. А. Дон и А. Г. Покровская-Рит уже приготовили для этого не-

* По семейному преданию, А. И. Смирнов до переезда в Барнаул был врачом в селе Шушенском, где встречался с В. И. Лениным и Н. К. Крупской, находившимися в ссылке. Документы свидетельствуют, что в 1897—1898 годах он работал врачом в селе Усть-Абакан (ныне г. Абакан), а в 1898—1901 годах — в селе Абаканском; вполне возможно, что наездами ему приходилось бывать и в Шушенском. — *Авт.*

обходимое количество ядов и бакпрепаратов. Для рассеивания их с воздуха Г. А. Ведижанин предложил использовать самолет малярийной станции. Заведующий больницей водного транспорта Н. П. Сокол-Черниловский опробовал их на больных, причем отравил семь человек. Ядами намечено было обеспечить и зубных врачей, дабы они использовали их при лечении зубов руководителям города и края.

А. П. Киркинский, как один из наиболее авторитетных врачей в Барнауле, получил задание «применять тактику услужливости» при оказании медицинской помощи ответственным партийным, советским работникам, НКВД, а также их семьям. Вместе с Никольским и Костиным он готовился отравить первого секретаря крайкома ВКП(б), председателя крайисполкома и начальника краевого управления НКВД.

А. И. Смирнов возглавлял группу по бакдиверсиям на железной дороге, руководил контрреволюционной деятельностью Н. М. Руднева, давал ему задания по вовлечению новых членов. (Между прочим, 69-летний Смирнов и 60-летний Руднев уже лет тридцать вообще не разговаривали друг с другом по причине, о которой будет сказано ниже. Об этом знал чуть ли не весь город, кроме, очевидно, сотрудников НКВД, иначе они воздержались бы от выдумки о руководстве, заданиях и пр.)

Заведующие столовыми, повара, кладовщики систематически портили продукты, подсыпали песок в муку, железные опилки — в мясной фарш, некачественно готовили пищу, «чтобы вызвать недовольство Советской властью».

Работники ветеринарной службы распространяли эпизоотию в колхозном и совхозном стаде «с целью ослабления советского тыла на случай войны».

И только благодаря неусыпной бдительности чекистов все эти злодейские замыслы удалось пресечь!

Жуткая картина, не правда ли? Она вдвойне жуткая оттого, что от начала до конца все в ней — ложь. Но эта ложь подтверждена... «чистосердечными» признаниями арестованных, что по тем временам было вполне достаточным, чтобы считать обвинение доказанным.

4

Большинство их тайну допроса унесли с собой. Но те, кому удалось выжить, потом многое рассказали. Врач Сергей Александрович Смирнов вспоминает:

«В камере я встретил Никольского с сильно опухшими ногами, и он мне рассказал, что его обвиняют в принадлежности к какой-то контрреволюционной организации, требуют от него признательных показаний и фамилий участников. В результате того, что Никольский длительное время отказывался давать вымышленные показания и клеветать на других людей, его на допросах держали на ногах, не разрешали садиться. В конце концов он, не выдержав такого мучения, подписал вымышленные показания...»

О себе Сергей Александрович рассказывает так:

«Протокол подписал потому, что не менее суток стоял на ногах; не давали ни воды, ни пищи, и я видел, в каком состоянии были содержащиеся длительное время со мной люди, находившиеся под следствием. Я считал, что мне легче будет сохранить жизнь и здоровье, а впоследствии доказать свою невинность. Другая причина — меня предупредили на следствии, что в случае моего отказа от подписи протокола на меня будет составлен акт, как на отказавшегося давать показания».

А вот выдержка из протокола допроса заведующей Барнаульским горздравом Елкиной Евгении Поликарповны:

«Вопрос: Вы были связаны идейно с арестованными врагами народа Пиотровским и Щегловым, бывшими вашими подчиненными по работе в Барабинске? (До приезда в Барнаул Е. П. Елкина возглавляла Барабинский райздравотдел. — В. Г.).

Ответ: Нет.

Вопрос: Вы были связаны с ними по контрреволюционной работе.

Ответ: Отрицаю.

Вопрос: Врет!

Ответ: Ничего больше по этому вопросу сказать не могу.

Вопрос: Ложь! Вас изблачивают сообщники. Прекратите врать! Жалова и Вергунова знаете?

Ответ: Знаю по работе с февраля 1937 года, как приехала в Барнаул.

Вопрос: Вы связаны с ними по контрреволюционной работе?

Ответ: Нет.

Вопрос: А с кем связаны?

Ответ: Ни с кем.

Вопрос: Врет! Жалов и Вергунов изблачивают вас.

Ответ: Отрицаю. Я не состояла в контрреволюционной организации.

Вопрос: Врет! Будете говорить правду?

Ответ: Это не правда.

Допрос прерывается».

У меня нет ни малейшего сомнения в том, что картина допроса при переносе на бумагу была основательно смягчена.

Так допрашивали женщину. Вел допрос следователь Костромин. Он возглавлял следствие по делу врачей. Можно, думаю, не сомневаться, что и другие следователи (всего я насчитал 12 человек) были под стать Костромину...

Три дня спустя Елкина из тюремной камеры написала следователю: «Прошу вызвать меня на допрос. Мне необходимо дать открытые показания по существу предъявленных мне обвинений».

И «призналась» во всем! Назвала соучастников, подписала протокол...

Не спешите обвинять ее в малодушии, читатель. Ведь мы не знаем, что вынесла несчастная женщина за эти три дня. У следователей НКВД было немало надежных способов заставить свою жертву признаться в чем угодно.

Один из способов назывался «камерной обработкой». Некоторое понятие о ней

можно составить из показаний бывшего следователя НКВД А. Д. Черных.

«Попов (начальник управления НКВД по Алтайскому краю. — В. Г.) дал указание о широком использовании камерной обработки арестованных. В этих целях в специальных камерах сидели бывшие агенты, арестованные за различные преступления. Они **пропускали** (выделено мною. — В. Г.) через себя арестованных, призывая их скорее признаться и дать показания».

Может, и Евгению Поликарпову отдали на растерзание каким-нибудь выродкам, а может, следователи сами сумели «призвать» ее к даче «откровенных показаний». На эту мысль наводит факт, сообщенный одним из арестованных (по другому делу), А. С. Григорьевым.

«Однажды, будучи вызванным на допрос и проходя по коридору, я услышал истерический крик женщины. Невольно повернувшись в ту сторону, увидел бывшую заведующую горздравотделом Барнаула. Мне было слышно, как следователь ругался на нее нецензурными словами».

Думается мне, что не только от оскорбительных матюгов истерически кричала несчастная Евгения Поликарповна...

Костромин допрашивал не одну Елкну. Его подпись стоит под протоколами допросов М. П. Киркинско, П. М. Тарабыкина, В. В. Вергунова, С. И. Никольско, В. И. Кучина, М. И. Дона, И. В. Лисицкого, С. И. Покровского, А. И. Смирнова, Н. И. Побединского, И. П. Киркинско, К. Г. Курской. Все они тоже дали «признательные» показания...

В 1955 году, в ходе реабилитации, Костромин самого допросили. Из органов он к тому времени ушел, но остался в Барнауле, занимал солидную должность. На допросе выяснилась печальная картина: у отставного следователя начисто отшибло память! Он все забыл!

«Я всегда был убежден, — лепетал он, — что имею дело с действительными врагами народа. Затрудняясь сказать, что оно («дело врачей». — В. Г.) не сфальсифицировано, однако и не утверждаю. Лично я не допускал физического воздействия, но вполне возможно, что кого-либо подвергал выстойке, ибо в каждом видел врага».

Несколько откровеннее был его коллега А. С. Горбунов:

«Я лично арестовывал А. А. Жалова, допрашивал С. А. Смирнова, Н. С. Френкель, В. И. Кучина. **В отношении дачи ими показаний можно сказать одно, что они брались такие, какие нужны были для следствия, независимо от того, соответствовали они действительности или нет.** (Выделено мною. — В. Г.) Для того чтобы арестованный подписал вымышленный протокол допроса, к нему в случае отказа применялась длительная выстойка и иные меры физического воздействия, вплоть до избивания. Лично я арестованных не бил. В частности, С. А. Смирнов находился у меня на допросе не более суток и без особого сопротивления подписал протокол допроса. Так же подписали протоколы Труман, Соколов и китаец Ли Ван Дзу. Ха-

рактерно отметить, что китаец плохо понимал по-русски, а читать вообще не мог. Все они: Смирнов, Соколов, Труман и Ли Ван Дзу в начале допроса при предъявлении обвинения отказывались, однако впоследствии, под воздействием убеждений и внушений с моей стороны, а также под воздействием улышанных в камере тюрьмы разговоров об избивании на допросах, подписывали протоколы, составленные мной в разрезе необходимых данных и фактов об этом человеке. Говоря проще, эти арестованные в предъявленных обвинениях виновными себя не признавали, однако без особого сопротивления подписывали составленные мною признательные протоколы, боясь, очевидно, избиваний... Что касается написания мной фиктивных протоколов, могу сказать, что все это делалось по указанию начальства слыше.

В процессе следствия никакими компрометирующими материалами в отношении этих лиц я не располагал, кроме справки на арест и постановления об избрании меры пресечения. Справки составляли начальники отделов. Были случаи, когда протокол допроса давался сначала начальству на корректировку, затем — на подпись обвиняемому, возможно, и через месяц после допроса».

Такова была метода следственного дела у доблестных алтайских чекистов. Вас не мутит, читатель, от этих палаческих признаний?..

Другой сотрудник НКВД, М. Л. Шор, показал, что при арестах врачей начальник краевого управления НКВД «преследовал цель наибоыстрейшего разрешения жилищного вопроса для прибывших в управление работников». Так оно и было. Сам Попов занял дом А. П. Киркинско, в дома и в квартиры других врачей вселились его подчиненные Перминов, Юркин, Лазарев, Крючков.

5

Судебная тройка при управлении НКВД по Алтайскому краю рассмотрела «дело врачей» в три приема: 24 ноября, 8 и 9 декабря 1937 года. Из 52-х человек (без жен врачей), привлеченных по делу, 42 были приговорены к расстрелу, остальные — к десяти годам исправительно-трудовых лагерей.

Пятеро из них там умерли в 1938—1941 годах, шестой — Кузьмин Павел Иванович — был ошибочно освобожден и скрылся. Всесоюзный розыск, объявленный органами НКВД, результатов, слава Богу, не дал.

В числе приговоренных к «высшей мере социальной защиты» оказались все барнаульские врачи, за исключением С. А. Смирнова и престарелой Н. С. Френкель. Они получили «всего» по десять лет...

Смертный приговор был приведен в исполнение в Барнауле 10 и 27 декабря 1937 года.

6

Всем известен подвиг жен декабристов, подвиг любви и мужества. Аристократки, выросшие в неге и холе, не уме-

шие одеться без горничной, отказались от богатства, от сословных привилегий и отъехали в каторжную Сибирь, чтобы облегчить участь мужей-кандальников.

Многие и многие из жен репрессированных в тридцатые и другие годы за счастье сочили бы сделать то же самое, не испугались бы ни Колымы, ни лагерей, будь у них к тому хоть малейшая возможность.

Но такой возможности у них не было. Хуже того: они сами в большинстве своем оказались в лагерях «ЧСИР» (членов семей изменников Родины). Таких лагерей история, пожалуй, не знала. Во всяком случае, в царской России их не было. И вообще царю по части репрессии далеко было до вождя всех времен и народов...

Никто из барнаульских врачей уличающих показаний на своих жен и детей не дал. От них этого и не требовали. И тем не менее...

Жалов Анатолий Александрович был арестован 13 ноября 1937 года в 10 часов вечера. Через два часа, в полночь, забрали в детприемник НКВД его детей: Аделаиду — 15 лет, Алису — 14 лет и Льва — 11 лет. А еще через два часа увезли в тюрьму у его жену Пафию Алексеевну, зареванную, обезумевшую от горя.

Та же участь постигла Кучину Евгению Марковну. Ее муж лечил работников НКВД. Сотрудник, уводивший его из дома, заверил Евгению Марковну: «За мужа не беспокойтесь. Василий Иванович человек наш, он нами проверенный и часа через два вернется». Но через два часа прибыл другой сотрудник, арестовал Евгению Марковну, а дочерей, 15 и 12 лет, отправил в детприемник НКВД.

Были арестованы Грушинская Бригитта Ивановна с дочерью Яниной, Киркинская Ольга Андреевна, Руднева Елена Никитична, падчерица Н. Т. Стройковой Наталья Борисовна.

Всем им было предъявлено обвинение в том, что они знали о контрреволюционной деятельности мужей (родителей), но не донесли; более того, сами занимались антисоветской агитацией.

В ту пору достаточно было высказать недовольство, допустим, длинной очередью в магазине, чтобы получить «срок» до десяти лет, а при отягчающих обстоятельствах — даже расстрел. (Статья 58, пункт 10 УК РСФСР). Сохранись те порядки до нынешнего времени, нас бы всех надо было загонять в исправительно-трудовые лагеря.

«Признательные» показания дали только мать и дочь Грушинские. Что их заставило это сделать — трудно сказать, ведь никакой вины за ними не было. Возможно, их подвергли «камерной обработке», а может, подошлись на провокацию вроде той, о которой рассказал следователь Юркин, сам оказавшийся на скамье подсудимых: «Арестованным внушалось, что если враг не раскаявается в преступлениях, с ним поступают жестоко. Признается — дадут три-пять лет лишения свободы, не больше».

Остальные женщины виновными себя

не признали, более того, мужественно пытались доказать невинность своих мужей, абсурдность предъявленных им обвинений.

Справедливости ради надо сказать, что их не били, не изнуляли **выстойкой** и допросили-то всего по одному разу. Но это не значит, что следователи вдруг стали гуманными. Они применили другой, не менее гнусный способ, чтобы подвести несчастных женщин (участь их была predetermined) «под статью».

З. Н. Сибирцева, соседка Е. М. Кучиной, вспоминает, что к ней зашел следователь НКВД Скворцов, поздоровался, вежливо спросил, можно ли побеседовать. Задал несколько вопросов, что-то записал на листке, предложил ей расписаться. То же самое предделал он с двумя другими соседками Кучиной — М. И. Иваницкой и С. Д. Вяткиной. Иваницкая запомнила, что следователь предложил ей подписаться на 15—20 сантиметров ниже текста. Возражать она не посмела. Точно так, очевидно, поступил он при «беседе» и с другими соседками, а потом спокойноенько дописал в протоколы, что надо.

Забегая вперед, скажем, что в 1940 году, при рассмотрении кассационной жалобы Кучиной, они все трое заявили, что показаний о ее контрреволюционной деятельности не давали, об этом даже разговора со следователем не было. Ничего, кроме хорошего, они об Евгении Марковне не говорили. К сожалению, Кучиной это не помогло: приговор был оставлен в силе.

То же самое случилось и с юной Натасей Стройковой. Напрасно она обижалась в кассационной жалобе на своего начальника А. И. Селюнина, будто он огорчил ее в отместку за то, что она отвергла его ухаживания (судя по фотографии, Наташа была очень красива). В 1940 году, при пересмотре дела, Селюнин заявил, что таких показаний не давал и подпись его на двух страницах протокола подделана. Экспертиза подтвердила его правоту, но Наташа, увы, осталась в лагерях...

Тем же способом, не гнушаясь столь низким обманом, следователи Скворцов, Пермяков, Пахомов «собрали» компромат на Е. Н. Рудневу, П. А. Жалову, О. А. Киркинскую, мать и дочь Грушинских.

Последствия были трагическими, особенно для Грушинских. Бригитта Ивановна и ее двадцатилетняя дочь Янина, комсомолка, были расстреляны. Остальные получили по десять лет лагерей.

Суда не было. О приговоре все они узнали только в лагерях, куда были отправлены этапом в феврале 1938 года. Пафия Алексеевна Жалова (Батияшвили) в одной из своих жалоб пишет, что когда в лагере ей объявили, что «тройка» приговорила ее к десяти годам лишения свободы, она «не поверила, рассмеялась, настолько неправдоподобным казалось осуждение».

А потом глаза не просыхали от слез. Уже в лагере она узнала, что арестован ее старший сын, студент одного из новосибирских институтов, активный комсомолец.

И больше ни о нем, ни о муже ей до последних дней жизни ничего не было известно. Долгое время не знала она и о судьбе младших детей. Какими словами описать ее страдания?..

В мае 1939 года она пишет Верховному Прокурору СССР:

«Мне известно, что основной состав работников управления НКВД по Алтайскому краю после моего этапирования арестован. Считаю, что осуждение меня и мужа является результатом их преступной деятельности...»

Я пяти лет осталась без отца, училась, работала, воспитала четверых детей. Аделаида, Алиса и Лев — отличники, такими они остались и в детдоме. Мужа знаю с 1920 года как честного и преданного Родине советского врача.

За что меня лишили свободы, отняли детей, дали позорную кличку «врага народа»? Я глубоко верю, что есть правда в нашем Советском государстве и не может быть, чтобы я сидела безвинно. Умоляю пересмотреть мое дело, дать мне возможность честным трудом доказать мою любовь к Родине, дайте возможность воспитать горячо любимых детей!..»

Согласитесь, это — крик души. Его невозможно читать спокойно. Страшно представить, сколько их таких, несчастных жен и матерей, напрасно зывали в те годы из-за колючей проволоки к совести и разуму властителей!..

На протяжении 1939—1940 годов Пафия Алексеевна трижды обращается к Верховному Прокурору СССР, в Верховный суд, дважды — к наркому внутренних дел Берии, к прокурору Алтайского края. В июне 1939 года пишет Сталину: «Дорогой и любимый вождь! За правдой к тебе обращаюсь, правды прошу. Я грузинка...»

Писала, ждала, дни, наверное, считала в ожидании ответа. Но ничего не дождалась. Ни от кого!..

В ноябре 1939 года старшая дочь ее, Аделаида, обращается к «всесоюзному старосте» М. И. Калинину:

«Здравствуйте, дорогой Михаил Иванович!

Я Вам писала уже **несколько раз** (выделено мною. — В. Г.), но ответа не получила ни на одно письмо. Михаил Иванович, умоляю Вас, помогите нам! В 1937 году у нас арестовали родителей. Мы, трое детей, попали в детдом в г. Кушва. В детдоме мы жили с 16 января 1938 года по 1 августа 1939 года. Сейчас нас выпустили на производство. Материально мы обеспечены плохо, а нам хочется учиться. Мама наша — в лагере близ Соликамска, а где папа, мы не знаем...»

Михаил Иванович, я сейчас шесть часов работаю, а пять-шесть часов учусь в школе. У меня на иждивении брат и сестра. Просим Вас выяснить дело с нашей мамой.

Михаил Иванович, если бы наша мама знала что-нибудь про отца, она, не задумываясь, выдала бы его.

Дети Жаловых».

Не знаю, как вам, читатель, а мне последняя фраза этого письма показалась особенно страшной. Выходит, дети верили, что отец посажен не зря и не решались за него просить. А еще страшнее их вера в то, что, зная мать о каком-либо факте «вредительства» со стороны отца, она, не задумываясь, донесла бы на него. И для себя, видимо, считали такой донос вполне нормальным, даже патриотическим поступком...

И на это письмо детей Жаловых «всесоюзный староста» не ответил!..

16 марта 1942 года Пафия Алексеевна Жалова умерла в лагере; умерла, как мне думается, от горя, от тоски, от мучительной обиды на несправедливость, но не от голода или непосильного труда: она работала медсестрой в лагерьной больнице.

Немало жалоб во все инстанции, в том числе и «любимому вождю», написали Евгения Марковна Кучина, Фелицата Ивановна Кардаш-Тарабыкина, Наталья Борисовна Стройкова и другие. В конце концов они добились, что в августе 1940 года их дело было проверено Алтайской краевой прокуратурой (в том числе и показаны свидетелей, о которых уже рассказывалось). В ходе проверки выяснилось, что оно целиком сфальсифицировано. Но почитайте, что написал в своем постановлении от 17 января 1941 года прокурор спецотдела краевой прокуратуры Бердоносков:

«...Принимая во внимание, что осужденные, проходящие по данному делу, происходят из классово-враждебной среды, для общества являются социально-опасными элементами, поэтому оснований к принятию протеста по жалобам не нахожу.

Руководствуясь ст. 428 УПК РСФСР, решение судебной тройки ...считать правильным, в принятии протеста отказать, жалобы оставить без удовлетворения, о чем им сообщить через начальника лагерей».

На таком вот уровне находилась социалистическая законность в то время, особенно для «социально-чуждого элемента!»

7

Была оставлена без последствий и жалоба врача Смирнова Сергея Александровича, несмотря на то, что лагерное начальство охарактеризовало этого «ээка» с самой лучшей стороны.

«С марта 1938 года, со дня прибытия в Южлаг, работает врачом-хирургом. Ценный, квалифицированный специалист, исключительно добросовестный и честный работник. Безотказно работает, не считаясь со временем и удобствами. Часто дни и ночи проводит у постели больных, поступающих к нему со всех подразделений, в том числе и местного населения. Исключительно внимателен в работе. Пользуется у больных большим авторитетом и доверием...»

Вот вам и враг народа!..

Находясь в заключении, Сергей Александрович трижды был награжден Почетной грамотой, получил несколько денежных премий, в том числе одну от наркома внутренних дел Берии; ему дважды, в общей сложности на два с половиной года, снижался срок наказания.

26 мая 1945 года он был освобожден из-под стражи и уже в качестве ссыльного остался работать врачом-хирургом центральной больницы Ангарлага МВД в Тайшете. По-прежнему получал самые высокие отзывы, хотя делать операции ему становилось все труднее: в лагере он нажил туберкулез позвоночника и вынужден был оперировать в съемном корсете; вдобавок у него начиналась спонтанная гангрена левой ноги.

В 1950 году, несмотря на прекрасную характеристику и ходатайство командования лагеря, Особое совещание (ОССО) при Министерстве госбезопасности СССР отказало Смирнову в снятии судимости.

В 1953 году Смирнов повторяет ходатайство и вновь получает отказ.

Лишь 29 декабря 1954 года, через девять с половиной лет после освобождения, судимость, а стало быть, и клеймо «врага народа» с него были сняты.

В 1955 году начался пересмотр «дела врачей». Изучением документов, опросом многочисленных свидетелей была установлена полная бездоказательность предъявленных им обвинений. Не было ни одного отравленного в больнице водного транспорта. Не занимались приготовлением ядов работники санбаклаборатории. О Доне Моррисе Абрамовиче и Раевской Анне Феофиловне, ложно обвиненных в этом преступлении и расстрелянных, так отзывалась работница лаборатории Варвара Никифоровна Рясик: «Хорошие были работники и прекрасные люди... А палочки тифа и микробы у нас всегда готовые, хранятся в так называемом музее культур и не было никакой необходимости готовить их заранее».

Александр Иванович Смирнов не мог завербовать Нила Михайловича Руднева, а Руднев — его сына Сергея Александровича по той простой причине, что они с давних пор были в ссоре, даже не здоровались друг с другом.

«Мой отец с Рудневым был во враждебных отношениях, — вспоминает С. А. Смирнов. — В 1904 году, или в 1905, отец работал главным врачом Барнаульской горбольницы, и в этот период жандармским управлением были арестованы два сотрудника больницы, у одного из них изъяли станок для печатания политических прокламаций, за что отца уволили с работы. Все врачи Барнаула бойкотировали это

место, а Руднев согласился стать главным врачом, вследствие чего мой отец и Руднев стали врагами... По этой причине Руднев у нас не бывал, и я у него не бывал, в компаниях не встречались, разговоров не имели и завербовать отец его, а он меня не могли».

По словам главного хирурга Алтайского крайздраотдела Зерова Константина Ивановича, Н. М. Руднев, А. И. Смирнов, А. П. Киркинский, С. И. Никольский были в то время лучшими специалистами в городе.

«С Рудневым я работал около семи лет. Это был добросовестный и честный человек, прекрасный хирург, но по своему поведению и характеру он казался каким-то напуганным. Возможно, потому, что до революции имел три дома, широко занимался частной практикой и с приходом Советской власти чего-то побаивался. Сложные операции ответственным работникам всегда старался столкнуть мне или Щуцкому... Характером замкнут.

Никольский тоже был молчаливый, малообщительный, но хороший специалист...»

Квартирант Рудневых В. А. Клевакин вспоминает, что они жили замкнуто, нигде не ходили; Нил Михайлович был всецело поглощен своей специальностью, много работал над собой. Что касается политики, то Клевакин ни разу не видел, чтобы Нил Михайлович читал газету...

Можно было бы привести немало добрых отзывов о Елкиной Евгении Поликарповне, Тарабыкине Петре Михайловиче, Жалове Анатолии Александровиче, Соколе Черниловском Николае Павловиче и многих других лицах, проходивших по данному «делу», врачам и не врачам. Одного лишь нет в этих отзывах и других материалах расследования — хотя бы малого намека на виновность в тех преступлениях, за которые они пострадали.

4—8 мая 1956 года определением Военного трибунала Сибирского военного округа все лица, осужденные по «делу врачей», были полностью реабилитированы.

Такова еще одна скорбная страница в истории нашего города и края. Почтим их память, поклонимся их затерянным в делях ГУЛАГа могилам...

1 октября 1990 г.